

**Манифест из Картахены
(Картахена-де-Индиас, 15 дек. 1812)
Симон Боливар**

Освободить Новую Гранаду, как и Венесуэлу, и избавить её от мучений, которым она подвержена, - вот цели, сподвигшие меня на этот Меморандум. Снизойдите же, о мои сограждане, к принятию с терпимостью в дар этих намерений, достойных похвалы.

Я, гранадцы, - сын несчастного Каракаса, чудесным образом спасшийся из сердца его физических руин и от политиков, которые всегда верны либеральной системе. Истинно, что провозгласив свою родину, я пришёл установить и здесь стандарты независимости, которыми так славно размахивают в этих государствах.

Позвольте мне дерзнуть направить на вас оживлённость патриотической ревностью, чтобы слегка указать на причины, приведшие Венесуэлу к разрушению; мне льстит, что ужасные и назидательные уроки, которые получила эта угасшая Республика, позволят Америке улучшить правление, исправляя дефекты в единстве, прочности и энергии, отмечаемые в её правительствах.

Самой закономерной из ошибок политического театра Венесуэлы стало, несомненно, фатальное постановление, сделавшее её системой толерантной; системой, отягчённой слабостью и не эффективностью. Её упорное и слепое поддерживание с тех пор и до последних времён было для всего разумного мира беспримерным.

Первым доказательством неразумной слабости нашего Правительства стал его манифест о городе, подчинённом Коро, который отказался признать его легитимность: город объявили восставшим, и против него повели военные действия, как против врага.

Высший Совет, вместо того, чтобы подчинить себе этот беззащитный город, который покорился бы, увидев наши морские силы перед своим портом, позволил ему укрепиться и предпринять столь значительную активность, что далее он покорил всю Конфедерацию с почти такой же лёгкостью, с которой до этого её победили мы. Совет основывал свою политику на плохо понимаемых принципах гуманности, которые не подтверждаются ни одним правительством, чтобы насильно освободить глупые народы, не знающих цену своим правам.

Своды законов, с которыми сверялись наши правители, не могли научить их практической науке правления: они лишь сформировали известных добрых фантазёров, которые, выдумывая для себя республики из воздуха, стремились достичь идеальной политики, предполагающей совершенствование человеческого рода. Таким образом, нашими начальниками стали философы; нашими законодателями - филантропы, нашими тактиками - диалектики, а нашими солдатами - софисты. С подобным разрушением принципов и дел общественный порядок чрезвычайно быстро пришёл в волнение, и конечно же, Государство гигантскими шагами побежало к полному разрушению, реализацию которого все вскоре и увидели.

Отсюда родилась безнаказанность за преступления перед Государством, нагло совершаемые недовольными, и в особенности нашими врождёнными и беспощадными врагами - европейскими испанцами, коварно оставшимися в нашей стране, чтобы иметь возможность непрестанно её беспокоить и порождать такие заговоры, которые позволяли им формировать наше судейство так, чтобы оно всегда их прощало, даже когда их посягательства становились столь непомерны, что направлялись против общественного здоровья.

Исток доктрины, на которую опиралось это поведение, лежит в филантропических изречениях некоторых писателей, защищавших отсутствие у кого бы то ни было прав лишать человека жизни, даже в том случае, когда он совершает преступление против Вашей Родины. Под прикрытием этой жалостливой доктрины любой заговор получает прощение, а любое прощение порождает другой заговор, приводящий к прощению, ибо либеральные правительства можно различить по

милосердию. Криминальному милосердию, дающему наибольший вклад в разрушение машины, ещё не полностью у нас завершённой!

Отсюда-то и возникла оппозиция, решившаяся поднять знающие свое дело войска, дисциплинированные, способные представить себе поле боя, и уже обученные, чтобы защищать свободу с успехом и славой. И напротив: возникло неисчислимое множество недисциплинированной милиции, что помимо опустошения национальной казны на зарплаты высшему руководству, разрушили сельское хозяйство, прогнав крестьян от их очагов, взрастив их ненависть к правительству и заставив взяться за оружие и покинуть свои семьи.

“Республики, - говорили наши государственные деятели, - не нуждались в людях, которым платят за сохранение их свободы. Когда враг атакует, солдатами должны становиться все граждане. Греция, Рим, Венеция, Генуя, Швейцария, Голландия, а теперь и Северная Америка, побеждали своих противников, не прибегая к помощи наёмников, всегда готовых поддержать деспотизм и поработить своих сограждан”.

Этими антиполитическими и неверными рассуждениями они очаровывали простаков, но не убедили тех благоразумных, кто хорошо знал огромную разницу между народами, временами и обычаями этих республик и нашими. Они действительно не платили постоянным армиям; в основном - потому, что в древности их не было: спасение и славу эти государства вверяли лишь своим политическим добродетелям, суровым привычкам и военному характеру - качествами, от обладания которыми мы ещё очень далеки. Про наших же современников, вырванных из-под ига своих тиранов, известно, что они поддерживают необходимое количество ветеранов, нуждающихся в обеспечении; исключая Северную Америку, которая находится в мире со всем миром и защищена морем и ради выгоды не содержала в эти последние годы полного числа ветеранских войск, необходимого для защиты её границ и гарнизонов.

Результат сурово доказал Венесуэле ошибочность её расчёта, так как милиция, вышедшая навстречу врагу, не умея даже обращаться с оружием и не имея привычки к дисциплине и подчинению, была уничтожена в самом начале последней кампании, несмотря на героические и экстраординарные усилия, предпринятые её командирами на пути к победе. В итоге у солдат и офицеров наступил упадок духа, ибо военная истина гласит, что лишь закалённые бойцы способны превозмочь первые неудачи в кампании. Новобранец верит, что всё потеряно, как только потерпит первое поражение, ибо опыт ещё не доказал ему, что мужество, ловкость и упорство способны превозмочь неудачу. Подразделение провинции Каракас, спроектированное, обсужденное и одобренное федеральным Конгрессом, пробудило и разожгло в городах и подчинённых местечках ожесточённую враждебность против столицы, которая, как говорили амбициозные конгрессмены, доминирующие в своих районах, “является тираном городов и пиявкой на теле Государства”. Так в Валенсии вспыхнул огонь гражданской войны, который не потух, будучи уменьшен в этом городе, но, оставаясь открытым, передался сопредельным Коро и Маракайбо, и одни завязали отношения с другими, помогая приходу испанцев, что и привело к падению Венесуэлы.

Растрата государственных доходов на легкомысленные и вредные цели, особенно - на зарплаты бесчисленного множества клерков, секретарей, судей, магистратов, провинциальных и федеральных парламентариев, нанесла Республике смертельный удар, ибо заставила её прибегнуть к опасному делу выпуска бумажных денег без каких-либо гарантий, кроме силы и воображаемой ренты Конфедерации. Эти новые деньги похожи, по мнению большинства, на нарушение манифеста о праве собственности, ибо их расценивают, как грабительский обмен объектов, имеющих самоценность, на объекты, цена которых не определена и даже иллюзорна. Бумажные деньги окончательно вывели из себя оступевшие захолустные селения, которые призвали командующего испанскими войсками, чтобы тот освободил их от денег, казавшихся им страшнее рабства.

Хотя эта федеральная система и является самой совершенной и наиболее способной к распределению в обществе человеческого счастья, она является и наиболее противоречащей интересам наших зарождающихся Государств. Говоря в целом, наши сограждане ещё не имеют способности самостоятельно и широко осуществлять свои права, ибо им не хватает тех политических

добродетелей, которые характерны для истинного республиканца: добродетелей, которых им не дали абсолютистские правительства, в которых не ведали о правах и обязанностях гражданина.

С другой стороны, какая страна в мире, сколь бы хорошо воспитанной и республиканской она ни была, могла бы, находясь между внутренними мятежниками и внешней войной, управляться правительством столь усложнённым и слабым, как федеральное? Нет, его невозможно сохранить в сумятице битв и партий. Верно, что правительство отождествляет себя, скажем так, с характером обстоятельств, времён и людей, которые его окружают. Если они процветают и спокойны, то оно должно быть мягким и защищающим; но если они бедствуют и мятежны, то оно должно казаться ужасным, и вооружаться прочностью, соразмерной несчастьям, невзирая ни на законы, ни на конституции, пока не будут восстановлены счастье и мир.

Каракас перенёс много мучений вследствие изъятия в самой Конфедерации, которая вовсе не пришла ему на помощь при исчерпании его денежных средств и боеприпасов, а когда пришла беда, бросила его на произвол судьбы, не дав в помощь даже небольшого контингента. Кроме того, она увеличивала его беды, упорно разжигая соперничество между федеральными и провинциальными властями, что дало простор врагам, пробравшимся в сердце Государства прежде, чем был разрешён вопрос о том, федеральные или провинциальные войска должны выйти, чтобы дать им отпор, в то время как они уже оккупировали большую часть провинции. Этот фатальный спор привёл к задержке, которая стала ужасной для наших войск. Поэтому-то они и были разбиты в Сан-Карлосе, без прихода подкреплений, которых они ждали, чтобы победить.

Лично я чувствую, что при отсутствии централизма в наших американских государствах, враги получают полнейшее преимущество; мы неизбежно вернёмся к ужасам гражданских беспорядков и будем подло завоёваны горсткой этих бандитов, разоряющих наши провинции.

Народные выборы, проведённые крестьянами из деревни и интригующими жителями городов, добавили ещё одно препятствие к нашей практике Федерации, ибо некоторые столь невежественны, что делают свой выбор машинально, а другие столь амбициозны, что всё это превращают в заговор, и в результате в Венесуэле так ни разу и не удалось увидеть честные и удачные выборы: они вверяли правление в руки людей, испытывающих неприязнь к делам, бестолковых и аморальных. Во всём главенствовал дух партийности [клановости - Д.К.], что в результате дезорганизовало нас больше, нежели это могли бы сделать обстоятельства. В рабство нас свергла наша разобщённость, а не испанские войска.

Землетрясение 26 марта произвело полное потрясение, как физическое, так и здравого рассудка; его можно назвать непосредственной причиной разрушения Венесуэлы, но это же происшествие не имело бы такого морального эффекта, если бы Каракас управлялся единым правительством, которое взялось бы с быстротой и мощью исправлять ущерб без препон и соперничества, смягчая действие Провидения и не позволяя злу возрасти настолько, что оно стало неизлечимым.

Если бы Каракас, вместо вялой и неэффективной Конфедерации, установил простое правление, которого требовала его политическая и военная ситуация, то ты жила бы и дальше, о Венесуэла, и сегодня наслаждалась бы своей свободой!

Церковное влияние сыграло после землетрясения существенную роль в мятеже местечек и подчинённых городов, и в приходе врагов в нашу страну: кощунственное злоупотребление святым служением сыграло на руку зачинщикам гражданской войны. Однако мы должны откровенно признаться, что на свершение чудовищных злодеяний, в которых их справедливо обвиняют, этих предателей-священников воодушевило наличие абсолютной безнаказанности за эти преступления, нашедшие в Конгрессе возмутительное покровительство. Когда же несправедливость привела к восстанию в Валенсии, усмирение которой стоило около тысячи человеческих жизней, закон не распростёр свои права на мятежников: всем им сохранили жизнь, и даже имущество.

Таким образом получается, что среди причин, приведших к падению Венесуэлы, на первое место надо поставить природу её конституции, которая, повторяю, столь же противоречила её интересам, сколь благоволила интересам её противников. На второе - дух мизантропии, охвативший наших правителей. На третье - сопротивление созданию военных сил, которые могли бы спасти Республику и отразить удар, который ей нанесли испанцы. На четвёртое - землетрясение, сопровождаемое фанатизмом, который смог получить от этого феномена важнейшие результаты. И наконец, это внутренние враги, ставшие смертельным ядом, унесшим Родину в могилу.

Эти примеры ошибок и неудач будут вовсе не бесполезны для народов Южной Америки, стремящихся к свободе и независимости.

Увидев гибель Венесуэлы, Новая Гранада должна избежать опасностей, которые к этой гибели привели. Ради этой цели я считаю жизненно важной мерой по обеспечению безопасности Новой Гранады отвоение Каракаса. На первый взгляд, этот проект может показаться неуместным, дорогим, и возможно, непрактичным, но рассмотрев его внимательно, дальновидно и с глубоким размышлением, нельзя не признать его необходимости, ибо его исполнение принесёт верную пользу.

Первую помощь данной операции окажет причина разрушения Каракаса, которой являлось ни что иное, как пренебрежение, с которым этот город глядел на существование врага, который казался ему маленьким и не рассматривался в своём истинном свете.

Коро, конечно, никогда не смог бы соревноваться с Каракасом, если бы мы сравнивали их внутренние силы; но физическая сила в человеческой истории не всегда является решающей, уступая иногда преимуществу силе моральной, влияющей даже на политический баланс, поэтому Правительство Венесуэлы не должно было пренебрегать искоренением врага, который хотя и казался слабым, имел поддержку в виде всех, подчиняющихся Правлению в провинции Маракайбо, золота, содействия наших вечных противников европейцев, живущих с нами, клерикальной партии, всегда готовой предоставить свою помощь и сотрудничество, деспотизма, и, кроме того, закоренелого мнения некоторых невежественных и суеверных людей, живущих в пределах наших государств. Поэтому стоило лишь главному предателю позвать врага в момент разлада политической машины, и невероятные патриотические усилия, предпринятые защитниками Каракаса, уже не смогли остановить падение здания, уже валящегося от удара, нанесённого всего лишь одним человеком.

Применим пример Венесуэлы к Новой Гранаде, составив такую пропорцию: как Коро соотносится с Каракасом, так Каракас - со всей Америкой. Таким образом, опасность, угрожающая этой стране, пропорциональна этой прогрессии: владея территорией Венесуэлы, Испания могла бы легко заполучить людей и боеприпасы, чтобы под руководством опытных руководителей из великих учителей войны, французов, проникнуть от провинций Баринас и Маракайбо и до крайних пределов Южной Америки.

В Испании есть огромное количество амбициозных и отважных генералов, привычных к опасностям и лишениям, которые жаждут явиться сюда в поисках империи, которая заменила бы им ту, которую они потеряли.

Весьма вероятно, что за смертью Полуострова последует огромная эмиграция людей всех типов, и в частности - кардиналов-архиепископов, епископов, каноников и революционных клириков, способных не только подорвать наши новые и слабые государства, но и весь Носый Свет ввергнуть в ужасающую анархию. Религиозное влияние обладает властью гражданской и военной, и насколько авторитеты могут воздействовать на человеческий дух, настолько другие подобные инструменты, ценимые ими, смогут покорить эти регионы.

Ничто не воспрепятствует эмиграции из Испании. Англия, вероятно, будет защищать бегство партий, уменьшающее силы Бонапарта в Испании, которое само по себе приведёт к их увеличению в Америке. Франция тоже не сможет воспрепятствовать бегству в Северную Америку, и тем более мы, поэтому, так как всем нам не хватает респектабельного флота, наши попытки останутся тщетны.

Эти перебежчики, несомненно, встретят тёплый приём в портах Венесуэлы, а с ними придёт и усиление угнетателей этой страны, от которых они научатся тому, как завоевать эти независимые государства.

Они поднимут 15-20 тысяч человек, которые быстро будут обучены своими командирами, офицерами, сержантами, капрами и солдатами-ветеранами. За этим войском последует другое, ещё страшнее: из министров, послов, советчиков, магистратов, всей церковной иерархии и всех испанских грандов, чья профессия - мошенничество и интриги, украшенных роскошными титулами, весьма подходящими для того, чтобы ввести в заблуждение толпу, которые разольются как течение или наводнение, вырывающее все семена и даже корни дерева свободы Колумбии. Войска будут биться в поле, а эти, из своих кабинетов, устроят нам войну посредством пружин соблазна и фанатизма.

Таким образом, нам не остаётся другого способа принять заранее меры против этих бедствий, кроме как быстро усмирить подчинённые нам провинции, чтобы далее вывести наши армии против врагов, и сформировать, таким образом, солдат и офицеров, достойных звания столпов Родины.

Всё способствует нашему принятию этого средства: не говоря о срочной необходимости закрыть двери перед врагом, у нас есть и другие мощные причины решиться на наступление, пренебрежение которым было бы непросительной военной и политической ошибкой. Мы столкнулись с вторжением, и поэтому вынуждены отбросить врага как можно дальше от границы. Кроме того, есть принцип, гласящий, что ведение оборонительных войн всегда несёт ущерб и разорение, ибо ослабляет без надежды на компенсацию, и что ведение военных действий на территории врага полезно тем, что наносит ему урон; таким образом, мы ни по каким причинам не должны уходить в оборону.

Мы должны, также, рассмотреть реальное состояние врага, который находится в весьма критичном положении: большая часть его креольских солдат дезертировала, в то время как он вынужден снабжать патриотические города Каракас, Пуэрто-Кабельо, Ла Гуайру, Барселону, Кумана и Маргариту, в которых есть его склады, без которых он не осмелится покинуть эти места из боязни общего восстания сразу после его удаления от них. Поэтому не исключено, что наши войска могут дойти до самых дверей Каракаса, не давая боя.

Есть и такой позитивный момент: когда мы окажемся в Венесуэле, к нам присоединятся тысячи отважных патриотов, которые жаждут увидеть наше появление, чтобы сбросить иго своих тиранов и объединить свои усилия по защите свободы с нашими.

Характер данной кампании даёт нам преимущество в виде возможности приблизиться к Маракайбо из Санта-Марты, и к Баринас – из Кукуты.

Воспользуемся же столь благоприятным моментом, не допуская, чтобы подкрепления, которые будут постоянно прибывать из Испании, полностью изменили аспекты этих выгод, и мы потеряли бы, видимо – навсегда, удачную возможность укрепить счастье этих государств.

Честь Новой Гранады настоятельно требует проучить этих дерзких захватчиков, преследуя их до самых последних окопов, а слава её зависит от взятия на себя дела выступления в поход на Венесуэлу, чтобы освободить колыбель колумбийской независимости, её мучеников и тех достойных жителей Каракаса, чьи крики направлены лишь к своим любимым соотечественникам грандцам, которых они ждут со смертельным беспокойством, как своих спасителей. Поспешим же разбить окопы этих жертв, стонущих в темницах в непрестанном ожидании вас – своих спасителей; не обманите их доверия, не будьте бесчувственны к стонам ваших братьев. Идите скорее, чтобы отомстить за мёртвых, дайте жизнь погибающим, выпустите угнетённых и освободите всех!